

УДК 9с(47.20)

Статья

КЛИРИК-ЗЕМЛЕПАШЕЦ В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.¹

Суслова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

специалист Исследовательской лаборатории локальной
и микроистории Карелии (ИЛЛМИК),
преподаватель кафедры всеобщей истории Исторического факультета,
кандидат исторических наук

http://illmik.petsu.ru/illmik/Suslova_CV_ru.html

Аннотация. В статье рассматриваются житейские ситуации, возникавшие между клириками и мирянами по вопросам пользования спорными тяглыми и оброчными участками в приходах Олонецкого уезда во второй половине XVII в. На основе детального сопоставительного анализа материалов судебных дел, писцовых и переписных книг выявляется готовность священнослужителей заниматься обработкой тяглой пашни, изучается позиция крестьян и олонецкого воеводы к этой стороне жизни сельского духовенства. Всестороннее изучение отношений, складывавшихся между священником, его родственниками и мирянами при заключении земельных сделок и в ходе судебных разбирательств, позволяет существенно уточнить и расширить сложившееся в историографии представление о статусе сельского клирика в раннее новое время.

Ключевые слова: Церковный причт, священник, сельский приход, крестьянская община, землепользование, подати, Олонецкий уезд, вторая половина XVII в., Русская Православная Церковь, писцовые книги, переписные книги, архивные акты

Историография проблемы

Оценивая уровень материального благосостояния приходских клириков в XVII в., историки уделяют пристальное внимание выявлению размеров прихрамовых участков и условий пользования ими. Вопрос о пользовании церковным причтом тяглыми и оброчными землями, главным образом, анализируется с целью оценить бремя налогов, сборов и повинностей, возложенных на плечи сельского духовенства или определить пути формирования церковных участков. Так, одним из первых Г. М. Любимов, опираясь на послание константинопольского патриарха Германа II 1228 г. постановление Владимира церковного собора на Клязьме 1274 г., предположил, что те тяглые земли, которые продолжали обрабатывать избранные в священнослужители представители «земледельческого сословия», в последующие столетия превратились в собственность Церкви и были освобождены от государственных повинностей и общественных сборов [48; 143—144].

Изучив опубликованные в середине XIX в. фрагменты из писцовых книг Новгородских пятина XVI в. и акты приказного делопроизводства, П. В. Знаменский пришел к выводу о том,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01225 а2. Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

что в XVI—XVII вв., не имея постоянных надежных источников доходов, «члены причта селились даже на черной земле, хотя с нее нужно было нести на себе все подати и повинности наравне с черными людьми, другие брали землю на оброк», в то время как «самые богатые приобретали себе вотчины» [46; 115]. Автор также установил виды разнообразных платежей и повинностей, возлагавшихся на духовенство, проживавшее на «черных» и вотчинных землях [46; 118, 125—127].

Собранных сведений было достаточно для негативной оценки складывавшейся практики на духовную жизнь прихода. С одной стороны, по мнению П. В. Знаменского, собственноручная обработка тяглых участков и выплата с них податей отвлекала приходского священника «от исполнения его прямых духовных обязанностей» и делала «его ничем не отменным от музыканта» [46; 118, 125—127]. С другой стороны, указывал историк, само духовенство стало терпеть притеснения от «земства», которое «зорко наблюдало за тем, чтобы духовные лица, жившие на черной земле, не уклонялись от податей», и от властей, требовавших несения разного рода повинностей наряду «с черными людьми» [46; 125, 127]. В то же время, автор приводит всего несколько примеров, недостаточных для раскрытия выдвинутых предположений, например, о плохом заболоченном месте, выделенном московскому протопопу, или о разграблении псковитянами во время восстания 1650 г. двора местного священника.

Изучив сведения выборных грамот и пошлины книг по Холмогорской и Устюжской епархии за 1680—1690 гг., В. М. Верюжский был убежден, что в рассматриваемом им регионе многие клирики и причетники проживали на тяглых землях, и наравне с крестьянами должны были выплачивать подати и нести разнообразные земские повинности [45; 171]. Вслед за П. В. Знаменским, историк утверждал, что «такое положение принижало духовенство, нехорошо сказывалось на нем в нравственном отношении» и «невыгодно отзывалось и на материальном его благосостоянии» [45; 172]. Автору удалось выявить, что перемены в жизни причта наметились в 1680—1690-х гг., когда архиепископ Афанасий в частном порядке, рассматривая челобитные священнослужителей, принуждал крестьян выплачивать подати вместо священников, дьячков и пономарей. Тем не менее историк подчеркнул, что владыка с большим трудом проводил это начинание в жизнь из-за нежелания крестьян брать на себя чужое налоговое бремя [45; 174].

М. М. Богословский, исследуя организацию церковного прихода на Русском Севере в XVII в., выявил уникальные особенности взаимоотношений, складывавшихся между причтом и земской общиной, на земле которой стоял храм. Историк отметил, что в исследуемое столетие некоторые сельские храмы владели целыми тяглыми деревнями, выплата податей с которых определялась порядными, заключаемыми между общиной и причтом, в то время как доход шел в храмовую казну, находившуюся под контролем церковного старосты [44; 38]. Сведения собранные ученым, в том числе по Холмогорской и Устюжской епархии, значительно обогатили представления о церковном землепользовании, отношении общины к вопросу об обеспечении клира.

Ценные наблюдения относительно пользования на северо-западе государства приходскими священниками тяглой землей в XVII в. на основе анализа царских указов, писцовых книг и купчих грамот, сделал А. И. Копанев. Ученый детально проанализировал более 850 поземельных актов XVII в. и выявил отношение крестьян к запрету покупки и продажи наделов [47; 16—31]. Историк приводит целый ряд примеров заключения сделок, упоминая в числе покупателей священника Андрея Иванова, который приобрел в 1612—1616 гг. участки в деревне Алексеевской, истратив значительную сумму — 90 рублей. Автор определил его хозяйство как «крупное крестьянское», объясняя это тем, что «хотя он и был попом, но состоял в тягловом отношении наряду с крестьянами» [47; 30]. Таким образом, в мире земельных

сделок статус клирика и крестьянина, как справедливо указал А. И. Копанев, совпадал. При этом историк показал, что клирики не были самыми бедными людьми в приходе, и, вероятно, наряду с прочими зажиточными крестьянами могли расширять свои участки.

П. С. Стефанович подробно рассматривает пути формирования церковных земель в конце XV — начале XVIII века. Автор указывает, что наряду с пользованием участками, полученными по договору с владельцами церквей, «духовенство могло и самостоятельно иметь земли в частном владении» [49; 126]. Ссылаясь на пять документов конца XV в., свидетельствующих о продаже или уступке священниками, монастырскими дьяками и игуменами участков, исследователь в дальнейшем как-будто упускает эту сторону жизни сельского духовенства [49; 126]. Поэтому складывается впечатление, что тяглые земли, которыми пользовалось духовенство по актам купли-продажи, в дальнейшем вошли в состав церковных.

Сопоставляя сведения писцовых книг XVI — первой трети XVII вв. и материалы второй половины XVII в. по центральным и южным Ярославскому, Тверскому, Ярославскому, Владимирскому, Ростовскому, Белевскому, Козловскому уездам, П. С. Стефанович приходит кенному выводу о том, что хотя практика выделения земель приобрела в первой трети XVII в. едва ли не всеобщий характер, тем не менее довольно часто размер участков не был унифицирован, многие вновь построенные храмы церковной пашни не получили [49; 130—133]. По мнению автора, ситуация стала меняться «в эпоху церковных реформ, начатых собором 1666—1667 гг.», когда «церковные власти осознали необходимость внести ясность в сложившееся положение» [49; 134]. Ссылаясь на приговор царя и бояр от 25 августа 1680 г. о предписании отмежевать в определенном количестве участки безземельным церквам Московского уезда, наказы писцам 1681 и 1684 гг., деятельность патриарха и митрополитов о передаче им прав на земли запустевших храмов, П. С. Стефанович уверенno полагает, что «в 80-е годы XVII в. церковным властям удалось добиться от государства не только обязательного предоставления участков земли в пользование приходского клира, но и получить контроль над этим комплексом земель» [49; 141].

Таким образом, постоянно отмечая случаи пользования сельским духовенством тяглой землей в XVII в., исследователи сделали отдельные ценные наблюдения о видах выплачиваемых с этих участков клириками податей, о попытках церковных властей начиная с 1680-х гг. добиться выделения церковному причту отдельных участков, освобожденных от налогового бремени. В то же время высказаны достаточно противоречивые взгляды на положение в приходе сельских священников, пользовавшихся тяглой землей. При этом первостепенное внимание обращается на политику светских и церковных властей, позицию строителей-прихожан, в то время как личность самого клирика уходит на задний план.

В центре предпринятого исследования — отношения клириков и мирян, рассматриваемые сквозь призму житейских ситуаций, связанных с пользованием церковным причтом тяглой и оброчной землей в приходах Олонецкого уезда во второй половине XVII в. Немаловажное место уделяется выявлению размеров тяглых участков священников, позиции земской и государственной властей относительно участия духовенства в поземельных сделках, а также причин, обусловивших решение священнослужителей приняться за обработку тяглой пашни.

Источниковая база

В основу исследования положены акты приказного делопроизводства, хранящиеся в составе фонда 98 «Олонецкая воеводская изба» Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Из доступных автору в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии Исторического факультета Петрозаводского государственного университета электронных факсимиле документов фонда, датированных концом 1640 — началом

1680-х гг., отобраны семнадцать судебных дел. Каждое дело содержит целый комплекс взаимосвязанных документов, в том числе челобитные клириков и крестьян, наказные памяти, выписки из писцовых книг, отписки земских старост и приставов о ходе урегулирования поземельных споров.

Еще три судебных дела удалось обнаружить в фондах Российского государственного архива древних актов (ф. 141 «Приказные дела старых лет», ф. 159 «Приказные дела новой разборки по Новгородской четверти»). Они значительно дополняют и обогащают собранные нами сведения о случаях приобретения клириками Заонежских погостов тяглых участков во второй половине XVII в.

Особую ценность имеют сведения писцовых книг писца Петра Воейкова и дьяка Ивана Льговского конца 1610-х гг., а также писца Никиты Панина начала 1630-х гг. о размерах участков и дворохозяевах тех деревень, в которых позднее — во второй половине XVII в., судя по актам, проживали клирики и причетники, участвовавшие в выявленных житейских ситуациях. Привлечение сведений писцовых книг в связи с отсутствием в актах данных о размерах тяглых участков сведений частично оправдано даже несмотря на то, что, как удалось установить И. А. Черняковой, размеры угодий на уровне деревень не оставались неизменными и шел естественный процесс их перераспределения [50; 142].

Использованы данные переписных книг 1646, 1678 и 1707 гг. о клириках, членах их семей и деревнях в которых они проживали. Следует отметить, что в 1707 г. писцы Алексей Головин и Андрон Апрелев включали в описание «сказки» церковного причта о том, на какой земле они живут — «тяглой» или «церковной». В сопоставлении с актами приказного дело-производства, сведения писцовых и переписных книг позволяют реконструировать узы родства, связывавшие клириков-участников тяжб, проследить перемены, которые произошли в их жизни и жизни их родственников после окончания разбирательств.

Поставленная проблема рассматривается в непосредственной связи с анализом законодательных норм, и, в первую очередь, указа от 19 января 1648 г., согласно которому центральная власть вводила запрет покупки и приема в заклад земельных участков крестьян Заонежских погостов на будущее время в связи с введением института пашенных солдат.

Клирики и их родственники: состав и взаимопомощь в совершении поземельных сделок. В двадцати выявленных судебных делах, разбирающихся в конце 1640-х — начале 1690-х гг., приняли участие тридцать священнослужителей, четыре церковных дьячка и две вдовы попадьи. Они выступили в роли истцов (9 дел) или ответчиков (11 дел). При этом только двое — священники Иван Анфиногенов и Максим Герасимов сын Печкин — служили в церквях Лопских погостов, стоявших в Линдозере и в Юштозере. Остальные проживали в Заонежских погостах — Олонецком (5), Шуйском (3), Кижском (3), Важенском (2), Вытегорском (1), Веницком (1), Оштинском (1) и Мегорском (1).

В обработке земельных участков, как правило, участвовали все взрослые члены семьи дворохозяина, в первую очередь, его сыновья и братья. Например, вдовий священник Озерской волости Веницкого погоста Елисей Тимофеев подал челобитную за себя и за сына Ивана, с которым вместе обрабатывал участок [37; 1]. В соседнем Важенском погосте церковному дьячку Савке Анфиногенову помогал вспахивать пашню в деревне Галашевской его брат Сенка [12; 1].

Подчеркнем, что свои участки причетники обрабатывали собственными силами, опираясь исключительно на помощь родственников, несмотря на тяжесть земледельческого труда. Когда в 1678 г. олонецкому воеводе из Ямского приказа пришло распоряжение о сборе рублей денег с крестьян и бобылей, проживавших на церковных землях «даточным людем

на корм», то он вскоре сообщил в отписке о том, что «а попы и церковные причетники з дворов своих рублевых денег платили малое число, а многие... тех рублевых денег не платят, а в скасках своих написали, что они дворами своими живут на церковных, а иные на тяглых землях, а крестьян-де и бобылей за ними нет» [40; 1].

Споры о земле почти всегда оказывались общим семейным делом, в котором принимали участие не только клирики, но и их родственники, в том числе те, которые проживали в соседних деревнях и волостях. Об этом позволяет судить, например, члобитная «корельского выходца» Моисея Мокиева. Он уверенно полагал, что церковный дьячок Вешкелицкой выставки Трофимка Ларионов, претендую на его сенные угодья близ деревни Каменный Наволок, действовал не без ведома местных приходских священников Федора Ларионова и Гаврилы Григорьева, первый из которых приходился ему братом, а другой — дядей. В члобитной, поданной олонецкому воеводе Василию Александровичу Чоглокову, Моисея Ларионов открыто заявлял: «он, Трофим, з братом бьет челом... ложно о тех сенных покосах, хотя... изпродать, и емлет с Олонца памяти на имя Сямозерского попа Гаврилы Григорьева, и с тою памятью приходят к нам..., как нас... дома нет и пишут на нас отбои» [32; 1].

О той роли, которую играли узы родства среди клириков и причетников, позволяет судить житейская ситуация, разбиравшаяся в Ильинском приходе Олонецкого погоста в 1652—1660 гг. Олончанин Митка Артемьев стал обвинять приходского священника Игнатия Григорьева в незаконном присвоении родового участка, принадлежавшего отцу Митки, и подал в 1652/53 г. члобитную в олонецкую воеводскую избу, и затем, не дождавшись результатов разбирательства, в 1657 г. — в приказ Новгородской четверти.

В члобитной истец тщательно описывал обстоятельства дела. Оказалось, что в 1642/43 г. его мать Александра, овдовев и оставшись на руках с малолетними детьми семилетним Миткой и трехлетним Харкой Артемьевыми, вышла замуж за ярославца Галахтиона Игнатьева Пяントюшина. Ярославец обещал невесте и «сродичам» ее детей взять только приданное, однако после свадьбы «з двора... срдичев... збил», отказался дать «запись про животы и про двор и про деревню», и «животы... розпродавал все за полцены и прожил в один год больши трехсот рублей» [15; 332]. В 1644/45 г., не желая более оставаться в погосте, он, по мнению члобитчика, сговорился с приходским священником Игнатием Григорьевым. Как вспоминал Митка Артемьев, ярославец и клирик, «запервшись в избу», составили «воровскую закладную» от имени малолетнего Митки Артемьева и заставили его «к той воровской закладной руку приложить» [15; 332].

Члобитчик был уверен, что церковный дьячок соседней Туксинской выставки Оска Аврамов, которого клирик «призвал с Туксы речки», помогал оформить поддельные бумаги [15; 332]. Возможно, приезд дьячка в Ильинский приход состоялся не без ведома туксинского священника Овдокима Лазарева, который приходился племянником Игнатию Григорьеву [15; 333].

Желая утвердить за собой участок и считая недостаточным составление закладной, священник Игнатьй Григорьев, со слов члобитчика Митки Артемьева, «скучя Софейского сына боярского Левонтия Тимофеева, которой был на прикази», заставил местного церковного дьячка Елисея Константинова, «мучая ево, на тот... участок купчую написать» [15; 333].

Отказ церковного дьячка оформлять бумагу вполне понятен. Он являлся единственным заступником малолетних Митки и Харки Артемьевых, которые приходились ему родными внуками от дочери Александры. Следует отметить, что дьячок Елисей происходил из священнической семьи, представители которой служили в церкви Ильи Пророка на Олонце уже в третьем поколении, однако к середине столетия никто из них, кроме самого Елисея

Константина, причте уже не состоял [2; 52], [3а; 3 об.], [5; 44]². Состав причта сменился в середине 1640-х гг., когда вторым священником был избран Игнатий Григорьев, в 1660-х гг. в церкви уже служили два его сына — священник Петр и дьякон Тимофей [15; 331].

За десять лет, которые прошли со времени свадьбы дочери Александры с ярославцем Григорием Пяントюшиным и до подачи в 1653 г. иска в олонецкую воеводскую избу, дьячок Елисей, заботясь о будущем внука, обучил их чтению и письму. Уже в 1650-х — 1660-х гг. Митка и Харка Артемьевы умели составлять бумаги достаточно профессионально для того, чтобы работать из найма площадными подьячими на Олонце [17], [18; 2 об., 33, 37], [33; 17]. Особое доверие олонецких воевод заслужил Митка Артемьев, который получал поручения о доставке документации в приказ Новгородской четверти [39; 64]. Вероятно, в одной из таких поездок, в июле 1657 г. площадной подьячий подал свой иск с жалобой на священника [15; 331].

Пришлые священники в приходе:

вопрос о выделении им земельных участков.

Чаще всего вопрос о земельном участке поднимали те сельские священники и дьячки, которые переезжали из соседних волостей для служения во вновь построенные выставочные храмы. В некоторых случаях они пытались найти среди местных жителей тех, кто был согласен продать или отдать под залог пашню. Так, священник из Лопских погостов Максим Герасимов сын Печкин дважды вступал в сделки со стоявшими на грани разорения мирянами. Первоначально, переселившись в выставку Гимолы из Семчезера, где служил иереем в 1650-х гг. его отец Герасим Степанов [11; 6], Максим Герасимов приобрел участок у «охудалого» крестьянина Патракейки Иванова [19; 1]. В августе 1659 г. Максим Герасимов уже состоял в причте выставочной Юштозерской церкви. Купленный в Гимолах участок он продал «сродичу» прежнего владельца — солдату Тимошке Алексееву [19; 1]. В Юштозере — спустя всего три года — он уже обрабатывал тяглые участки, которые ему заложил за восемь с половиной рублей, «на Русь пойдучись», в 1662/63 г. Степан Федоров сын Вологдин — «последье отца своего, деревенской участочек меж братьею своею» и «польцо купленого участка Кондратья Минина следу Бурлоева до выкупа» [42]. Пашня оставалась за священником и его семьей вплоть до 1680 г., когда объявившийся сын Степана Вологдина потребовал передачи одного из участков ему на выкуп [9].

Среди лиц, предлагавших клирикам заключить сделку, были люди с достаточно сомнительной репутацией. Тем не менее, нуждаясь в земле, священники рисковали многим — и деньгами, и личным временем в случае возбуждения в будущем судебного разбирательства. К числу таких людей принадлежал, без сомнения, упоминавшийся выше ярославец Галахтион Пяントюшин. Продав священнику Игнатию Григорьеву участок, не принадлежавший ему, он, по свидетельству его пасынка Митки Артемьева, «с Олонца сшел», а жену — мать Митки — «отдал... в неволю на работу в Великом Новгороде Василью Стоянову, а сам, своровав у него, збежал безвестно» [15; 333], [4; 5], [5; 44].

Аферу с продажей участка пришлому клирику Елизарию Романову, который, кстати, приходился племянником священнику Игнатию Григорьеву, почти удалось провести крестьянину Гаврилке Васильеву [3б; 2], [5; 82]. Как выяснилось в ходе последовавшего разбирательства, участок не принадлежал Гаврилке Васильеву, который был принят в дом к дочери вдовы Средней Мегрежской трети Олонецкого погоста Ириньи Петровой. Однако после смерти жены, умершей в родах, и младенца-дочери, Гаврилка Васильев перестал помогать вдове

² Отец Елисея — Константин Лукин был священником Ильинской церкви в 1582/83 г. Его брат, Елизар Константинов, унаследовал место отца в конце 1610-х гг. В 1640-х гг. священников в приходе было двое — сын Елизария — Никон и Игнатий Григорьев.

и самовольно продал землю священнику, «мимо сына еи, Тимошки», «не доживая урочных лет» [38; 9]. Узнав об этом, вдова сразу же подала иск и священник вынужден был вернуть участок, а Гаврилка Васильев принужден вернуть обратно полученные у покупателя деньги.

Решимость клириков к сделкам подобного рода, в обход указа 1648 г., запрещавшего любые поземельные сделки в уезде, объяснялась во многом позицией самих крестьян, которые затягивали вопрос о выделении причту вновь построенных храмов пашни или выделяли такие участки, размеры которых не удовлетворяли причетников.

Высказанное предположение подтверждает члобитная солдата Анкудинки Григорьева, который пожаловался в 1664 г. на «мирских людей» Лижемской волости Кижского погоста. Солдат разъяснял, что все они «дали миром к церкви земли для церковных причетников польцо, а промеж собой... писали записи, что та земля промеж собою верстать» [28]. Такое «польцо» площадью «на четвертку» выделил члобитчик, однако соседи в течение нескольких месяцев, со слов члобитчика, «той земли не верстают», а старосты «чинятца сильны» [28]. Первое упоминание о постройке церкви Николая Чудотворца в Лижме относится к 1648/49 г. [13]. Из этого следует, что в течение почти 15-ти лет основным источником пропитания церковных причетников оставалась, вероятно, «ряженая» руга, то есть натуральные продукты и деньги, получаемые по договору с прихожанами, а также мирское подаяние.

Клирики и причетники стремились найти и другие способы получения в пользование тяглых и оброчных участков, пытаясь, по возможности, договориться с общиной или даже идя на конфликт с ней. Так, дьячок Трофим Ларионов, переехав с братом Федором к началу 1660-х гг. из Салмениц на служение во вновь построенную в Вешкелицах церковь Покрова Богородицы [21; 5], [26], [29], [31], [32], вероятно, считал недостаточным участок «церковной земли», выделенный им общиной [32].

Уже летом 1664 г. он подал олонецкому воеводе Василию Александровичу Чоглокову члобитную с жалобой на крестьян Сямозерской волости³. Дьячок заявлял, что миряне «начинают... посокирную землю, черной лес, и держат той начинкой по три и по четыре и по пяти лет», однако с ним не желают делиться. Он писал об этом так: «и я, государь, сирота твой, той начатой земли как роспашу, и они, крестьяня, отнимают насилиством» [29]. Повеление «сыскать всякими сыски и спорных займищ досмотреть», без сомнения, должно было не только обеспечить дьячка участком, но и осложнить и без того непростые отношения с мирянами [32]. Ведь эти земли они обрабатывали тайком от властей, укрывая от обложения [45; 136].

Стоит отметить, что к этому времени дьячок Трофим Ларионов и его брат священник Федор, со слов «корельского выходца» Моисейки Мокиева, уже обрабатывали «купленой участок Насонка Лазарева след» [32]. Кроме того, дьячок начал тяжбу за сенные угодья с крестьянином Улялешской волости Сидоркой Ивановым «с товарыщи» и с «корельским выходцем» Моисейкой Мокиевым, поселившимся с братьями в той же волости в деревне Каменный Наволок [31], [32]. Причетника не пугало даже дальнее расстояние, которое нужно было в случае благополучного исхода дела преодолевать, чтобы добраться до покосов, находившихся «на Пелдоском ручью вверх Юрик болота», в двенадцати верстах от Вешкелиц близ озера Содер (рис. 1) [32].

В старинных приходах пришлые клирики, в первую очередь, обращали внимание на заброшенные участки, которые ранее обрабатывали их предшественники. Так, священник Борис Иванов, получивший «по выбору мирских людей» в 1660/61 г. место в причте Кондопожской церкви Шуйского погоста, не дождавшись выделения участка, подал члобитную олонецкому воеводе Василию Александровичу Чоглокову [25; 1]. Он просил отвести ему землю со

³ Вешкелицкая волость находилась в составе Сямозерской

Рис. 1.

ссылкой на сложившуюся традицию, выяснив у прихожан-старожилов, что «прежние... попы, которые были... у тое Божии церкве..., искони бе владели тем Палоостровом» [25; 1].

К моменту подачи иска, часть спорных земель уже распахали солдат Офонка Онкудинов и после его смерти — племянник Петрушка Иванов, предполагавшие, со слов солдатской вдовы Агафьицы Лумбиной, «на тот остров хоромы строить и жити верховым жильцом» [25; 10]. По мнению клирика, они захватили остров незаконно, воспользовавшись тем, что участок долгое время пустовал. Это предположение отчасти находило подтверждение в том, что до выбора прихожанами в священники Бориса Иванова в Кондопоге достаточно продолжительное время не было собственного клирика. Один из бывших — Григорий Петров — к середине 1640-х гг. овдовел и, согласно церковному законодательству, мог лишь прислуживать в храме; упоминаний о других клириках, служивших в приходе в 1650-е гг., не выявлено [5; 109 об.]. Доказывая свое право на участок, Агафьица Лумбина ссыпалась на то, что землю они получили по решению земских властей — судейки Шуйского погоста Андрея Чюсова и старосты Петра Макарова, после того, как ее муж Офонка подал челобитную с просьбой передать ему «тот остров», который «лежал впусте многие годы и лесом порос, никто им не владел» [25; 10]. Полагаем, что ссылки на традицию или разрешение, санкцио-

нированное властью, могли быть аргументом для любой из споривших сторон в подобных житейских ситуациях.

В выписках, сделанных подьячими олонецкой воеводской избы из писцовой книги 1628—1631 гг., следовало, что в начале 1630-х гг. пустошью никто не пользовался [25; 2]. Вскоре также выяснилось, что «в тяглых охудалых росписех, по чему зберают в государеву казну данные и оброчные деньги, того их, Агафыцина и Петрушкина, участка в платеже не сыскано» [25; 11]. От приставов — «охудалого» крестьянина Агейки Игнатьева и Дружинки Савельева — пришла отписка, в которой они сообщали, что Петрушка Иванов «крепостей никаких» на ту землю «не выложил» [25; 7]. Дело обернулось бы в пользу священника, если бы за дело не взялась Агафыца Лумбина, которая обратилась за помощью к брату своего умершего мужа — жителю посада Титке Онкудинову. Титка Онкудинов предъявил отписи об уплате денег с того участка «по годам старостам... сполна» [25; 11—12]. Стремясь удовлетворить обе стороны, воевода Василий Александрович Чоглоков велел оставить за Агафыцией Лумбиной и ее племянником тот участок, который был ими распахан, а оставшуюся часть передать священику в пользование из оброка [25; 12].

В целом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что пришлые клирики и причетники, которых совсем недавно выбрала община, умели проявить свое независимое положение, достаточную настойчивость и даже находчивость в вопросе о земельном обеспечении.

Размеры тяглых участков и особенности пользования ими.

Опираясь на данные писцовых книг 1616—1619 и 1628—1631 гг., сопоставляя их со свидетельствами, приводимыми челобитчиками и ответчиками, нам удалось оценить размеры участков почти в половине рассматриваемых житейских ситуаций — в девяти из двадцати (табл. 1).

Таблица 1.

Размеры «паханой» земли на тяглых участках клириков

Погост, волость	Название деревни (пустоши)	Клирик	Живущая пашня, в четвертях (в одном поле)
Шуйский пог. Кондопожская вол.	Палоостров, пустошь	Борис Иванов, свящ.	2.625
Вытегорский пог.	На Костковой Горе, пустошь (дополнительный участок)	Степашка Савин, дч.	1.000
Веницкий пог. Озерская вол.	Оксеновская, деревня (единственный участок)	Елисей Тимофеев, свящ.	0.542
Кижский пог.	В Иж Острову а на Чисть Острове тож, деревня	Федка Андреев и дети: Васка Федоров, солдат	0.875
	Окуловская, деревня Малков Остров, деревня	Июда Федоров, дкн Тимошка Федоров, дчк	1.719
Олонецкий пог. Сямозерская вол.	На том же на Чюж Наволоке Гришки Дементьева (дополнительный участок)	Гаврила Григорьев, свящ.	4.021
Оштинский пог. Кондушская вол.	Что был починок на Сарручью Моисейки да Фомки, деревня (единственный участок)	Иван Андреев, свящ. Онуфрий Андреев, свящ.	2.000
Оштинский пог.	Гришинская, деревня (единственный участок)	Константин Алексеев, свящ.	1.000

Табл. сост. по: [3б; 81 об., 534 об., 755], [10; 1], [25; 2, 5, 10, 12], [27; 1], [35; 3—4], [37; 1], [43].

На льготных условиях сельское духовенство получало участки из числа заброшенных по наказным памятям олонецких воевод. Так, оброчный участок кондопожского священника Бориса Иванова на Палоострове составил 2.625 четвертей в одном поле — в два раза больше, чем оставленный властью за солдатской вдовой Агафьицей Лумбиной и ее племянником — 0.875 четвертей в одном поле. За пользование землей священник должен был вносить ежегодно в казну по пять алтын, на которые в уезде обычно приобретали недорогой сельскохозяйственный инвентарь, например, косу [22]. Несмотря на существенные льготы, священнику предстоял тяжкий труд. Как указывала Агафьица Лумбина, ее муж и племянник здесь лес «роспахали и каменье по сопкам розбирали» [25; 9].

Для некоторых церковных причетников такие участки являлись дополнительными к главному. Например, церковный дьячок Вытегорского погоста Степашка Савин в мае 1642 г. получил по «оживочной памяти худые земли» одну четью в одном поле (три в трех полях) в пустоши на Косткове Горе «ис перехожие пашни», то есть на более льготных условиях, чем крестьяне, пользовавшиеся тяглой «паханой» землей [10], [45; 135]. Этот участок у дьячка не был единственным.

Писец Иван Писемский отметил его в 1646 г. в числе жителей деревни у погоста Анфимовской [5; 457]. Здесь Степашка Савин завел хозяйство, отделившись от отца — священника Вытегорского погоста Саввы Офонасьева, имевшего в конце 1610-х гг. двор в деревне у погоста Церковной «словет Поповская» [36; 452]. В конце 1610-х гг. деревня Поповская была достаточно многолюдной. В ней проживали с семьями второй священник Григорий Андреев, дьячки Васка Гарасимов и Васка Федоров, пономари Петрушка Офонасьев и Дениска Тарасьев, занимала отдельную келью просвирница Домница. Они делили между собой «церковные пашни паханые худые земли шесть чети», хотя был и запас: «лесом поросло на лесных полянах три чети в поле, а в дву по тому ж» [36; 452 с об.]. В то же время в соседней деревне у погоста Анфимовской, не успевшей оправиться от разорения, проживал только крестьянин Некраска Панкратов. Остальные «жильцы», занимавшие два двора, как отметил писец Петр Воейков, были «побиты» [36; 459 об.]. К деревне был приписан значительный участок, состоявший из «паханой» земли — 0.5 четверти, перелога (в том числе «на отхожих полянах») — 6.5 четвертей и лесопоросшей — 2 четверти в одном поле [36; 459 об.]. Вероятно, наличие земельного фонда и свободных дворовых мест определили решение Степашки Савина в 1630—1640-е гг. переселиться в деревню [5; 457].

Тем не менее, сын последнего — Захарка Степанов сын Обрядин, проживая в деревне Анфимовской «на погосте на церковной земли за оградою», не занимался вспашкой земли. Деревенские участки, как указал в 1678 г. писец Иван Аничков, обрабатывали крестьяне — Степашка и Июдка Яковлевы, их братья-«захребетники» Федотко и Коземка Яковлевы, Ивашка и Максимка Ивановы Ребоевы и Нестерко Иванов [6; 151 об.—152]. Вероятно, эти участки они выкупили у прежних владельцев или даже арендовали.

Подобно Степашке Савину церковный дьячок соседнего Каковского прихода Важенского погоста Савка Анфиногенов также пользовался двумя участками. Так, со слов солдата Тимошки Ермолина, дьячок еще в 1640-х гг. взял «испуста... два корца деревни Галашовской» и стал распахивать землю «наносною сохою», то есть наездом из оброка [12; 1], [45; 135]. Размер участка солдат определил двумя мерными ковшами зерна, высеивавшегося на участке [51; 312]. В то же время причетник владел долей пашни в деревне Савеловской, проживая в ней верховым жильцом [5; 345]. Писец Петр Воейков зафиксировал здесь в конце 1610-х гг. «пашни паханые добрые земли осмина да перелогом и лесом поросло пять чети в поле, а в дву по тому ж» (всего 5.5 четей) [36; 890 об.]. В середине 1640-х гг. деревенская пашня находилась

дилась в пользовании всего двух дворохозяев — дьячка Савки и пономаря Анофрейки Тимофеева [5; 345 об.].

Однако дополнительный участок в деревне Галашевской Савка Анфиногенов вынужден был вскоре оставить. В январе 1650 г. солдат деревни Анфимовской Тимошка Ермолин, заявивший, что «написан-де он... в салдатцкую службу..., а деревенского участка у нево-де нет», попросил воеводу Степана Парфеньевича Елагина разрешить ему «тою деревнею владеть» и «поставить избу, двор и все хоромы» [12; 1]. Просьбу воевода потребовал удовлетворить [12; 2].

Активно расширял сенные угодья и пашни Федор Андреев с сыновьями. Он приходился братом кижскому священнику Никите Андрееву, который служил в приходе в 1610—1640-х гг. [36; 164], [4; 383 об.], [5; 124 об.]. В 1660-х гг. в причте состояли два сына Федора Андреева — дьякон Июда и дьячок Тимошка Федоровы, а третий — Васка — был записан в солдаты [20; 5], [23; 3 об.].

В представлении кижанина Лучки Карпова размер земельного надела, которым пользовались Федор Андреев с родственниками был значительным. Надел, со слов кижанина, включал три участка, расположенные в деревнях на Кижском и Малковом Островах и на материце вдоль Онежского озера (рис. 2). Первый — «новозаживочный» — в пол-полчети выти (0.875 четей в одном поле) обрабатывался из оброка «в деревни в Иж острову, а на Чисть Острове тож» [27; 1], [50; 132]. Второй — Баженка Плистиги — находился в деревне Окуловской; третий — Онтошки Емельянова — в деревне Малков Остров [27]. Размер пашни «в живущем» на втором и третьем участках, по подсчетам Лучки Карпова, составил «полчети выти без малого четверика» (1.719 четей в одном поле) [36; 125, 165], [27].

Лучка Карпов не забыл упомянуть и про то, что дьякон Июда и дьячок Тимошка Федоровы пользовались «белою землею» [27]. Согласно сведениям писцовой книги конца 1620-х гг. размер «церковные пашни паханые», приписанной к погостским храмам, составлял «середние земли восемь чети в поле, а в дву по тому ж. Сена десять копен» [4; 384]. На долю дьякона и дьячка, без сомнения, приходилась только ее часть, — вряд ли значимая, в виду того, что причт в 1640-х — 1670-х гг. всегда включал не менее трех-четырех человек. Уверенно полагаем, что когда сыновья Федора Андреева были введены в причт, никакого нового передела церковной пашни не проводилось. Они получили в пользование ту долю, которой пользовался некогда их двоюродный брат — бывший церковный дьячок погоста Ипполитка Иванов по прозвищу Богдашка [5; 124 об.].

В поданной на Олонец в 1664 г. челобитной, Лучка Карпов жаловался, что пользуясь всеми участками, Федор Андреев с сыновьями стали претендовать и на половину его оброчной земли в деревне в Иж Острову а на Чисть Острове, составлявшей всего 0.875 четей в одном поле [27]. Свидетельство Лучки Карпова ценно, так как позволяет уловить, что родственники клириков, не состоявшие в причте, рассматривались мирянами как члены крестьянской общины, которые, однако, нарушали уравнительный принцип пользования участками. Тем не менее, приобретение и даже захват новых угодий и пашен означал, что разраставшейся семье Федора Андреева не хватало земель. Вероятно, именно это обстоятельство могло стать одной из причин, предопределивших решение дьякона Июды Федорова уехать в новую выставку в Песчанской волости Толвуйского погоста, как только представилась такая возможность [6; 322].

Ценно отметить, что участки в деревне на Иж Острове, которые обрабатывал Федка Андреев в конце 1620-х гг. вместе с Кирилкой Игнатьевым Поповым, а в 1660-х гг. — с сыновьями

Рис. 2.

и племянниками, получил по наследству его сын Васка Федоров [4; 486—487]. После смерти последнего — в начале 1700-х гг. — участок был записан за внука племянником Кирилки Игнатьева Попова — священником Матфеем Козьминым [7; 61 об.]. Выявленные сведения о смене владельцев позволяют предположить, что семьи церковных причетников стремились сохранить за собой однажды полученные для вспашки земли. В сознании общины постепенно утверждалось представление об особом статусе этого участка, который в будущем мог быть приписан к Церкви.

В отдельных случаях участки клириков были значительными. Можно полагать, что свободно расширять их путем купли-продажи и заклада церковные причетники могли вплоть до

издания указа 1648 г. Среди них был, например, церковный дьячок Линдозерского погоста Ивашка Анфиногенов, который в конце 1640-х гг. «стал в попы», пытаясь таким образом избавиться от солдатской службы [14; 1]. Со слов крестьянина того же погоста Ивашки Григорьева, в пользовании дьячка к этому времени находились «три печища и три деревни: влadeет церковною землею и отца своего деревнею, и моей деревнею сверх тех деревень» [14; 1]. Участок Ивашки Григорьева дьячок купил за четыре рубля «без десяти алтын», как объяснял челобитчик, только потому, что ему «в хлебные недороды прокормица было нечим» [14; 1]. Полученные деньги вскоре были истрачены и челобитчик с детьми «скитались на Руси..., головы прокармливали» [14; 1]. Размеры участка челобитчик не указал, однако сам факт пользования тремя однодворными деревнями позволяет сделать соответствующие выводы.

В обход законодательства расширил свои земли священник Сямозерской выставки Олонецкого погоста Гаврила Григорьев, одолжив в 1659/60 и в 1660/61 гг. крестьянину Демешке Дементиеву и трем его сыновьям Алексейке, Ивашке и Сидорке восемнадцать рублей «белых серебряных» получил под залог их участок до 1671/72 г. [30]. В деревне на Чюж наволоке Гришки Дементьевы, в которой числился дворохозяином в начале 1630-х гг. только Демешка Дементьев, писец Никита Панин отметил пашни «худые земли» три чети и полтора четвери-ка (3.188 четей в одном поле), на оброке — четь без третника (0.833 чети в одном поле), перелогом — еще одну четь [4; 126]. Вероятно, именно этот участок и достался клирику.

Основной участок, которым пользовался клирик, находился на другом берегу Сямозера, и был приписан к деревне на Гай наволоке Онкудинки Кононова, в которой стоял его двор (рис. 3). В этой деревне в конце 1620-х гг. проживали семь крестьян, бобыль-рыболовов, отец

Рис. 3.

Гаврилы Григорьева — священник Григорий Семенов, в келье проживала проскурница [4; 117 об.]. Земля пахотная, «худая» по качеству, составляла «семь чети с осминою без получетверика» (7.437 четей в одном поле), оброчная — 2 чети (в одном поле), переложная — («55 чети без третника» (54.833 чети в одном поле). Кроме того, по побережью Сямозера были разбросаны восемь сенных деревенских угодий.

На каждого дворохозяина, можно думать, приходилась небольшая доля земли. Правда следует отметить, что уже в 1646 г. в той же деревне стояли всего два двора — священника Гаврилы Григорьева и церковного дьячка Бориски [5; 34 с об.]. В 1707 г. в деревне также проживали только причетники — священник Федор Гаврилов, дьячок Трофим Гаврилов, пономарь Лазарь Дементьев и просвирница [8; 439]. Теперь, как видим, причетники делили пашню между собой. Смена состава дворохозяев деревни, в которой еще в первой трети XVII в. проживали крестьяне и клирик, а в середине XVII в. — начале XVIII в. — только церковные причетники, заявившие писцу Михаилу Мартынову, что «живут онена тяглых деревенских участках и всякие великого государя доходы платят з дворцовыми крестьяны» [8; 439]. Свидетельства церковно причта позволяют заключить, что и к началу XVIII в. в приходах Олонецкого погоста сельские клирики не имели специально выделенных для них церковных участков.

Подобно священнику Гавриле Григорьеву, священник Озерской волости Веницкого погоста Елисей Тимофеев купил за схожую сумму — 17 рублей «белых дробных истинных без приписи» — деревенский участок у Ларки Ерофеева — «половину деревни Оксеневской и с полухоромами и сенными покосы» [37; 1].

Согласно указанию писца Петра Воейкова, в конце 1610-х гг. за деревней числилось пашни «середние земли четь с полтретником» (1.084 чети в одном поле), лесом поросшей «старые пустоты» — «2 чети с третником» (2.167 чети в одном поле) [36; 755]. Следовательно, с 1667/68 г. по 1672/73 г., пока крестьянин вновь не заявил своих прав на участок, клирик обрабатывал «паханые» земли 0.542 чети и мог или уже расширил ее за счет лесопоросшей — 1.0835 четей в одном поле.

Свои участки некоторые клирики расширяли как раз за счет переложных и лесом поросших земель, приписанных к деревне, в которой они проживали. Среди них можно назвать клириков-братьев Кондушской волости Мегорского погоста — Ивана и Онуфрия Андреевых. В конце 1610-х гг., участок их отца, священника Андрея Кузьмина, в деревне что был починок на Сарручью Моисейки да Фомки, согласно указанию писца Петра Воейкова, составлял «худые земли» на «пол-пол-полчети выти» (0.5 четей) в одном поле. В два раза большим участком — одной четью в одном поле — пользовался проживавший в той же деревне крестьянин Трофимка Семенов [36; 534 с об.]. У жильцов были возможности в будущем расширить участки за счет земель переложных (2 чети) и лесом поросших (8.5 четей) [36; 534 с об.].

Ко времени спора с крестьянами за рыбные угодья на реке Урмашке, в 1661 г. за сыновьями клирика Андрея Кузьмина — священниками Ивана и Онуфрия Андреева числилось уже в три раза больший участок — две чети в одном поле («полчети и полмалой чети выти и четверик пашни») [36; 534 об.], [35; 3—4].

Реконструировать особенности раздела между церковным причтом, проживавшим в тяглой деревне, земель, с нашей точки зрения позволяет хотя бы отчасти житейская ситуация, возникшая на погосте в Оште. Вдовая попадья Акилина Григорьева в 1668 г. была поставлена перед необходимостью выплачивать долги мужа: узнав о смерти священника Константина Алексеева, его кредиторы сразу же напомнили о себе. Один из них — каргополец Ивашка Евсеев Старицын — даже подал иск олонецкому воеводе, требуя возврата трех рублей две-

надцати алтын, и уже весной того же года приставы приезжали в погост [34]. Вдовая попадья вынуждена была заложить в 1668/69 г. «хоромное свое всякое строение, деревенской тяглой участок в деревне Гришинской в живущем пол-полтреti выти, а в оброке тож, и с сенными покосы, и со всякими угодья до срока» Васке Андрееву Гуляеву, «родом зарубежских корельских выходцов» [43; 36]. Следовательно, размер участка составлял одну четь в одном поле [36; 600 с об.]⁴.

В конце 1610-х гг. в деревне Гришинской писец Петр Воейков отметил сравнительно небольшой участок, который делили между собой священники Дружина Симонов, Самсон Федоров, Кирилл Харитонов и бобыль Богдашка Иванов. В частности, «паханая» земля составляла всего 2 чети, отхожая — 1.5 чети, лесопоросшая — 0.5 чети в одном поле [36; 600 с об.]. Если предположить, что фонд земель не изменился, то на долю Константина Алексеева пришлась половина «паханой» земли — одна четь из двух в одном поле. Оставшуюся часть делили между собой прочие причетники. Отметим, что таковых было немало. В середине 1640-х гг. помимо двора священника Алексея Семенова, отца Константина, стояли дворы второго священника Петра Кирилова, пономаря Богдашки Иванова, бобыля Федки Федорова и подьячего Обрама Захарьева [5; 487].

Это обстоятельство в какой-то мере также, возможно, стоит учитывать, объясняя нежелание соседей помочь вдове расплатиться с долгами. Так или иначе, к положенному сроку денег ей вернуть не удалось, и участок остался за Ваской Гуляевым. Единственное указание на возможные обстоятельства жизни детей умершего священникаходим в выборной грамоте, составленной в середине 1690-х гг. крестьянами Оштинского погоста. Избранный в дьяконы некий Михий, как отметили прихожане, был «прежних... попов... сродич Симана Харитонова, Алексея Симанова, Костянтина Алексеева, а остался Михий от тех попов мал и скитался по чюжим сторонам ради хлебной скудости и нонеча он... живет... в бобылях» [36]. Уверенно полагаем, что Михий приходился сыном или внуком Константину Алексееву и Акилине Григорьевой.

Родовой участок, которым пользовались представители нескольких поколений династии священнослужителей, в конце XVII в. по-прежнему оставался за Ваской Гуляевым. Хотя сам Васка Гуляев перебрался в село Чернецкое что в Бежецком верхе, оставив вместо себя двух «работников» — Степашку Насонова и Левку Игнатьева с женами и малолетними детьми [6; 41 об.], от участка, полученного по закладной, не отказывался и дважды — в 1683/84 и в 1693/94 гг. — отстаивал свое право на него. Лица, с которыми он вел тяжбы, приходились дальними родственниками священнической семьи. Так, оштянин Андрюшка Арсеньев сын Богдашев вполне мог быть внуком Архипки по прозвищу Богдашка, который приходился деверем Акилины Григорьевой и «найденным» сыном священнику Алексею Симанову [5; 487], [43; 36]. Другая претендентка на участок, Иришка Елизарьева, заявляла, что «поп Костянтин ей, Иришке, был дядя по матере, а ее, Иришкина, мать выдана замуж на сторону за пришлого крестьянина за Гришку Суровцова с приданым» [43; 36].

Таким образом, наделы клириков, которые они брали на оброк и в тягло, составляли от менее одной до четырех четей в одном поле. В целом они сопоставимы с наделами крестьян, наделы живущей пашни которых в одном поле составляли 1.5—2 четверти [50; 144]. Тем не менее в отдельных случаях наделы клириков могли быть значительными, как например, у священника Сямозерской волости Олонецкого погоста Гаврилы Григорьева.

Клирики расширяли участки как в обход указа 1648 г., путем покупки участков у обедневших членов общины, так и законным путем, беря на оброк или в тягло доли запустевших

⁴ С учетом того, что качество земли было определено в конце 1610-х гг. как «добрые».

деревенских участков или распахивая лесом поросшие земли своей деревни. В то же время, сделки купли-продажи, заклада участков, совершенные после 1648 г., официально считались не имевшими юридической силы и потому не гарантировали, что участок останется за новым владельцем. Их постоянное нарушение А. И. Копанев справедливо связывает с особенностями мировоззрения крестьянства, в среде которого «обычай распоряжаться своими землями был... вековечен и привычен» [47; 16].

Позиция олонецких воевод в урегулировании земельных споров клириков и мирян. На практике власти сами допускали различные послабления в отношении сделок купли-продажи, несмотря на то, что указ 1648 г. содержал очень строгую санкцию: «будет хто у ково што купит или в заклад возмет, и у тех отнимать безденежно, а им чинить наказанье» [1]. В первую очередь, власти почти всегда учитывали имущественные права покупателей, в том числе клириков. Так, думный дьяк приказа Новгородской четверти Алмаз Иванов повелел в 1657 г. передать участок, купленный священником Игнатием Григорьевым у ярославца Галахтиона Пяントюшина, пасынку последнего — Митке Артемьеву — не «безденежно» как того требовал указ, но «на выкуп» [15; 331 об., 332 об.]. Так как Митка Артемьев «в то время занемог, сволокся с Москве домовь болен и для немоши... грамоты не взял», повеление было повторено в 1660 г. с дополнительной ссылкой на то, что «церковным причетником тяглых черных земель за собою опроче церковных держать не велено и церковные земли в писцовых книгах писаны имянно церковными» [15; 332 об.]. Таким образом, московские власти считали незаконным пользование причетниками тяглыми землями, разрешая им распахивать только те земли, которые были указаны в писцовых книгах в числе церковных.

Тем не менее, олонецкие воеводы, хорошо зная о достаточно лояльной позиции центральной власти, действовали схожим образом. Более того, в июне 1675 г. воевода Иван Иванович Чаадаев, всего несколько месяцев назад прибывший на Олонец, даже пошел навстречу священнику Озерской волости Веницкого погоста Елесею Тимофееву, которого крестьянин Ларка Ерофеев «согнал» с деревенского участка, купленного у него клириком шесть лет назад, в 1667/68 г., и «навозу ево, попова, полтораста возов заорал» [37; 2]. В наказной памяти было прописано: «и великий государь пожаловал бы ево, попа, не велел ему, Ларке, того крепостного участка владеть насильством» [37; 2]. Старостам Веницкого погоста Гришке Пахомову и Артюшке Агафонову повелевалось выслать крестьянина на Олонец к первому октября «к суду с ним, попом, вместе» [37; 3]. Охраняя имущественные права клирика, воевода требовал «хлеб, которой сеян к нынешнему ко 183-му году на том деревенском участке сторонними людьми переписать имянно, сколько какова хлеба посметя в умолоте будет, переписав скласть в гумно или в скирды... до указу великого государя» [37; 3]. Полагаем, что участок все же был отдан крестьянину на выкуп, так как в переписной книге 1678 г. писец Иван Аничков отметил в деревне Оксеновской только двух дворохозяев — Ларку Ерофеева и его брата Федку с сыновьями [6; 1 об.].

Воеводы практиковали передачу клирикам запустевших участков — и оброчных, и тяглых. Это вполне согласовывалось с нормой указа 1648 г., согласно которому «буде хто збежит, а двор свой, и угодья, и пашню кинет, и тот двор, и угодья, и пашню давать в мир до тех пор, пока он сыщетца, а с миру за то имать всякие государевы доходы сполна» [1].

Возникавшие споры свидетельствовали о нарушении законодательной нормы, о которой воеводы вынуждены были вновь и вновь напоминать крестьянам. Об этом мы узнаем из черновика наказной памяти, составленного в приказной избе в начале 1680-х гг. Земским старостам повелевалось следить за тем, чтобы никто «ни у кого деревенских участков и никаких угодий не покупал и в заклад не имал, а будет кто что купит или в заклад возьмет,

и то велено отымать безденежно» [41]. Повеление слово в слово повторяло норму указа 1648 г., за исключением клаузулы: «а им [продавцам. — Е. С.] чинить наказанье» [1]. Однако случаев наказания продавцов-крестьян нами не выявлено. Вероятно, с самого начала воеводы не применяли санкцию на практике эту жесткую и потому не включили ее в текст памяти. Мы соглашаемся с мнением А. И. Копанева, который пришел к выводу о том, что административный запрет был малодейственен во многом в связи с сопротивлением «богатеев-землевладельцев» [47; 14].

Выводы.

Таким образом, клирики и причетники, переходя в новые приходы, или желая отделиться от родителей и прокормить разраставшиеся семьи, были заинтересованы в получении земельного участка. В то же время вопрос об обеспечении клириков землей в Олонецком уезде во второй половине XVII в. был одним из самых сложных. С одной стороны, община самостоятельно решала вопрос о материальном обеспечении причта. Зачастую в течение нескольких лет и даже десятилетий после строительства храма, даже предварительно договорившись, крестьяне так и не выделяли участков клирикам. С другой стороны, приобретать тяглые и оброчные земли у крестьян сельское духовенство не могло ввиду запрета любых сделок купли-продажи в уезде, действовавшего с 1648 г.

Тем не менее священнослужители находили разные варианты приобретения земли. Особенности отношения крестьян к обрабатываемым участкам как к своей собственности, с которой можно поступать по собственному усмотрению, и мягкость позиции властей, не приводивших в действие жестких санкций указа 1648 г. и учитывавших имущественные права клириков-покупателей приводили к тому, что некоторые клирики в обход законодательства покупали участки или получали под залог по соглашению с милянами — солдатами и охудалыми крестьянами.

В то же время отношение милян к совершенным сделкам было достаточно противоречивым. Израсходовав полученные деньги, некоторые из них начинали требовать возвращения участков или даже самовольно сгонять с них клириков. Однако свое право на участок они доказывали не ссылками на указ, а на давность пользования, ссылаясь на сведения писцовых книг. В какой-то степени их решительность объяснялась и распространившейся практикой возврата участков прежним владельцам — в конце 1640-х гг. сыщиком Василием Золотаревым и позже — олонецкими воеводами.

Однако олонецкие воеводы, разбирая возникавшие житейские ситуации, не только ориентировались на нормы указа 1648 г. Они стремились защищить права тех лиц, которые хотя пользовались неродовыми участками, но исправно выплачивали все подати.

Размеры тяглых участков клириков не превышали размеров тяглых участков самих крестьян. Тем не менее пользование ими, как подчеркнул А. И. Копанев, давало возможность пользования определенной в соответствие с размером участка долей разнообразных общинных угодий [47; 85]. Уверенно полагаем, что покупка и приобретение под залог тяглых участков клириками была достаточно редким явлением, хотя и среди клириков были достаточно зажиточные люди, которые расширяли свои участки за счет сделок с крестьянами. В большинстве случаев сельское духовенство претендовало на запустевшие деревенские участки и заброшенные пустоши.

Материалы судебных дел, с нашей точки зрения, позволяют уловить две важных особенности оформления церковной земли. С одной стороны, постепенно за семьями местных клириков закрепляются те тяглые или оброчные участки, которые некогда обрабатывали их

родственники и бывшие причетники. С другой стороны, в деревнях у погостах, в которых проживали клирики, к концу XVII в. постепенно меняется состав дворохозяев. В некоторых теперь проживают исключительно клирики и причетники. Такие угодья и деревни постепенно в представлении прихожан могли рассматриваться как церковные. Тем не менее священнослужители и в начале XVIII в. продолжали выплачивать за их пользование тягло или оброк, воспринимая это как вполне обычную вещь.

В целом, отстаивая право на участок — церковный или тяглый — клирики и причетники проявляли достаточно независимую позицию, были готовы пойти на конфликт с прихожанами, всецело рассчитывая на поддержку родственников и знакомых.

Список использованных источников и литературы

Указы

1. 1648, не ранее января 19. — Указ о запрещении покупать и принимать в заклад земельные участки крестьян Заонежских погостов // Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. / Подг. текстов Р. Б. Мюллер. Под ред. Н. Е. Носова. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1986. С. 221. № 327.

Писцовые и переписные книги

2. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина 1582/83 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta* / Подг. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Каатяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 35—341.
3. Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Петра Воейкова и дьяка Ивана Лыговского, 1616—1619 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8551. 458 л. (а); Кн. 8554. 939 л. (б);
4. Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Никиты Панина и подьячего Семена Копылова, 1628—1631 гг. (семь погостов Олонецкого и Выгозерского станов) // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308. 870 л.
5. Переписная книга Заонежских погостов Ивана Писемского, Лариона Сумина и подьячего Якова Еуфимьева, 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. 577 л.
6. Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова, 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1137(2). 427 л.
7. Переписная книга помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян и церковнослужителей Шуйской половины Олонецкого уезда Алексея Федоровича Головина, 1707 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8579. Л. 1—270.
8. Переписная книга помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян и церковнослужителей Олонецкого уезда, Сямозерской и Святозерской волостей и семи Лопских погостов Андрона Васильевича Апрелева, 1707 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8579. Л. 271—550.

Акты приказного делопроизводства

9. 1645—1676. — Челобитная солдата Листегубской волости Лопского Паданского погоста Тараса Микифорова с жалобой на олонецкого посадского человека Кондратия Минина сына Бурлоева, не расплатившегося за купленный им уклад // Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 98. К. 1. Д. 13. Сст. 1—1 об. (далее — Архив СПб ИИ РАН).
10. 1650, января 1. — Дело по челобитной церковного дьячка Покровского Вытегорского погоста Степашки Савина, взявшего участок на Косткове Горе по «оживочной памяти», с просьбой не требовать с него выплаты старых долгов по кабале белозерца Ивана Семенова // Там же. К. 1. Д. 47. Сст. 1—2.

11. 1650, января 9 — апреля 25. — Дело о расследовании убийства жителями Рождественского Семчезерского погоста Кондратием и Василием Петровыми, детьми Петра Третьякова, кобылы крестьянина того же погоста Гаврилки Ортемьева // Там же. К. 1. Д. 67(в). Сст. 5, 6 с об., 7—12.
12. 1650, января 11—12. — Дело по чебитной крестьянина деревни Анфимовской Каковской волости Воскресенского Важенского погоста Тимошки Ермолина о передаче ему участка в деревне Галашевской, которую пашут «наездом» дьячок Савка Анфиногенов и его брат Сенка // Там же. К. 1. Д. 73. сст. 1—2.
13. 1651, марта 16—23. — Дело об отказе крестьян Лижемской волости Спасского Кижского погоста Сенке Фалиееву от должности церковного дьячка и в выплате «наемных» денег за роспись храма // Там же. К. 2. Д. 48. Сст. 9—10.
14. 1651, апреля 9—12. — Дело о передаче крестьянину Никольского Линдозерского погоста Ивашке Григорьеву земельного участка, который он продал в неурожайные годы Ивану Анфиногенову, бывшему дьячку, рукоположенному во священники // Там же. К. 2. Д. 58. Сст. 1—2.
15. 1657, августа 20. — 1660, августа 7. — Дело о возвращении олончанину Митке Артемьеву участка его отца, которым владеет незаконно священник Ильинского прихода Олонецкого погоста Игнатий Григорьев с сыновьями // РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 15. Сст. 331—337.
16. 1658/59. — 1660, ноября 27. — Дело о розыске убитых, раненых, оставленных на службе в крепостях и беглых содат, а также об организации высылки солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда в полки // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 6. Сст. 1—57.
17. 1659, сентября 10. — Список с кабалы олонецкого посадского человека Андрея Иванова сына Королькова, занявшего у Софийского сына боярского Родивона Гаврилова сына Жеглова 13 рублей «денег прямых без приписи» // Там же. К. 3. Д. 10. Сст. 1.
18. 1660, марта 6. — декабря 10. — Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государеву службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского // Там же. К. 3. Д. 76. Сст. 1—172.
19. 1660, марта 12. — Дело о передаче солдату Поросозерской волости Спасского Селецкого погоста Тимошке Алексееву земельного участка его дяди Патракейки Иванова // Там же. К. 3. Д. 26. Сст. 1—2.
20. 1660, ноября 11. — 1661, январь. — Дело о свозе солдатом Кижского конца Спасского Кижского погоста Сенкой Семиным сена с пожни солдат-соседей Михалки Томилова и Оски Кузьмина // Там же. К. 4. Д. 3. Сст. 1—7.
21. 1660, декабря 16. — 1661, февраля 14. — Дело о потраве солдатом Сямозерской волости Олонецкого погоста Исаком Андреевым ячменя, принадлежащего невестке чебитчика Ефимки Андреева // Там же. К. 4. Д. 9. Сст. 1—6.
22. 1661, марта 13. — Чебитная солдатского отца Никольского Пудожского погоста Сенки Евсеева с жалобой на жителей того же погоста Онуфрия Филипова и Гурия Сидорова, которые не уплатили кабальный долг и укради у него сено, косы и котел // Там же. К. 4. Д. 23. Сст. 1—1 об.
23. 1661, июня 30. — июля 7. — Дело о неуплате жителем Спасского Кижского погоста Федором Труфановым по просьбе чебитчика, солдата Игнашки Симанова, овса кредитору Ондрею Андрееву по прозвищу Запас // Там же. К. 4. Д. 63. Сст. 1—5.
24. 1662, марта 28. — 1664, ноября 10. — Дело о составлении «ложной» поручной записи на жителя Покровского Вытегорского погоста Максимку Осипова в том, что будто бы он обязался уплатить за белозерца Фомку Остафьева Шишигина долг заимодавцу Осипке Иванову Финкову // Там же. К. 4. Д. 68. Сст. 1—54.
25. 1663, октября 12. — 1664, января 22. — Дело о выделении священнику Кондопожской выставки Никольского Шуйского погоста участка земли на Палоострове // Там же. К. 4. Д. 103. Сст. 1—14.
26. 1664, января 18. — Чебитная священника Вешкелицкой волости Олонецкого погоста Федора Ларионова с жалобой на крестьян различных волостей того же погоста, должных ему деньги за полицы и рожь // Там же. К. 5. Д. 18. Сст. 1 с об.
27. 1664, марта 21. — Чебитная солдата Кижского конца Спасского Кижского погоста Лучки Карпова с жалобой на солдатского отца того же погоста Федора Андреева и его сыновей, дьякона

41. 1680 г., не позднее. — Фрагмент документа с выпиской из указа 1648 г. о запрете покупки или отдачи в заклад деревенских участков и угодий и с требованием безденежного возврата купленных и заложенных участков (без начала) // Там же. К. 10. Д. 66. Сст. 18.
  42. 1681, не позднее февраля 28. — Челобитная священника Юштозерской волости Семчезерского погоста Максима Герасимова с жалобой на жителя той же волости Васку Савастьянова Каблассова, который самовольно поставил избу и сени на участке, отданном священнику в пользование по закладной Степаном Вологдиным // Там же. К. 10. Д. 175. Сст. 1.
  43. 1694, июня 1—6. — Дело по челобитной «корельского выходца» Оштинского погоста Олонецкого уезда Василия Андреева о разборе его судного дела с крестьянкой Ириной Елизаровой о праве владения участком, заложенным ему вдовой попа Константина Алексеевав Акилиной // РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4542. Сст. 36—39.
- Научная литература:**
44. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. 394 с. Bogoslovskiy M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v. T. 2. Deyatel'nost' zemskogo mira. Zemstvo i gosudarstvo. M.: Imp. O-vo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom un-te, 1912. 394 s. (*The Communities' Self-government on the Russian North in the 17th century. Vol. 2. The Activity of the Peasant Community. The Peasant Community and the Government*)
  45. Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк. СПб.: Типография И. В. Леонтьева, 1908. 683 с. Veryuzhskiy V. M. Afanasiy, arkhiepiskop Kholmogorskiy. Ego zhizn' i trudy v svyazi s istoriey Kholmogorskoy eparkhii za pervye 20 let ee sushchestvovaniya i voobshche Russkoy Tserkvi v kontse XVII v. Tserkovno-istoricheskiy ocherk. SPb.: Tipografiya I. V. Leont'eva, 1908. 683 s. (*Afanasiy, the archbishop of Kholmogory. His Life and Activity in connection with the History of the Eparchy of Kholmogory during the first 20 years of its existing and the Russian Church at the end of the 17th century*)
  46. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. СПб.: Коло, 2003. С. 1—178. (переизд. с изд. 1867 г.). Znamenskiy P. V. Prikhodskoe dukhovenstvo na Rusi. SPb.: Kolo, 2003. S. 1—178. (pereizd. s izd. 1867 g.). (*The Parish clergy in The Old Russia*)
  47. Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII веке / Под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. 244 с. Kopanev A. I. Krest'yane Russkogo Severa v XVII veke / Pod red. N. E. Nosova. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1984. 244 s. (*The Peasantry of the Russian North in the 17th century*)
  48. Любимов Г. М. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII—XVIII вв. Изд-е 2-е. СПб.: Типография Трусова, 1852. 185 с. Lyubimov G. M. Istoricheskoe obozrenie sposobov soderzhaniya khristianskogo dukhovenstva ot vremen apostol'skikh do XVII—XVIII vv. Izd-e 2-e. SPb.: Tipografiya Trusova, 1852. 185 s. (*The Historical Review of the Ways of Christian clergy's payment from the Apostle time up to the 17—18 centuries*)
  49. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII вв. / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Индрик, 2002. 352 с. Stefanovich P. S. Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI—XVII vv. / Otv. red. B. N. Florya. M.: Indrik, 2002. 352 s. (*The Parish and the Parish Clergy in Russia in the 16—17th centuries*)
  50. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с. Chernyakova I. A. Kareliya na perelome epokh: Ocherki sotsial'noy i agrarnoy istorii XVII veka. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 1998. 295 s. (*Karelia on the Edge of Epochs: The essays of the Social and Agrarian History of the 17th century*)

Справочная литература

51. Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 403 с. (*Dictionary of Russian Language of 11—17 centuries*)

Evgenia D. Suslova

Petrozavodsk State University,

PhD, Researcher of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK)

lecturer in the Department of General history of the Faculty of history of the PetrSU

Abstract: The article inquires into the cases around buying and using taxable lands among the clergy and the parishioners in the Olonets yuezd in the second half of the 17th century. The analysis of judicial documents in comparative with laws, scribes and census books allows to assess readiness of clergy to plough this type of lands and to reveal the peasantry and olonets military commanders' points of view to this side of the parish clergy's life. The investigation of social relations among priests, their relatives and peasants at the moment of making an land agreement and further, during the court, gives new ideas for making closer and deeper definition towards the status of the parish orthodox clergy in early modern time.

Key words: the clergy of a parish, priest, rural parish, peasant community, land use, taxes, Olonets yuezd, second half of the 17th century, Russian Orthodox Church, Scribe books, Census books, deeds